

Прошлым летом крымскотатарский политический активист Ильми Умеров проходил лечение в одной из больниц Симферополя в связи с сердечным заболеванием, когда к нему в палату ворвались сотрудники ФСБ и отправили его в психиатрическую лечебницу «на обследование».

Умеров, бывший заместитель председателя Меджлиса крымскотатарского народа, открыто выступал против аннексии Крыма Россией. В мае 2016 года, после того как он заявил на татарском языке: «Мы должны заставить Россию уйти из Крыма», на него было заведено уголовное дело по обвинению в сепаратизме.

В психиатрическом учреждении врач прямо сказал ему, что его будут не лечить, а наказывать. «Вам просто нужно признать, что вы ошибаетесь, и все перестанут беспокоить вас, – процитировал Умеров слова доктора в интервью Euromaidan Press. – Все очень просто».

Умеров отказался и его задержали в психушке подольше. Условия его содержания были ужасающими. По словам его адвокатов, его держали в переполненной комнате с тяжело психически больными пациентами, не давали необходимых лекарств от сердца и диабета, и часто не кормили в течение длительных промежутков времени.

Через три недели Умерова освободили, но уголовное дело не закрыли. Судебное разбирательство по делу началось в июне.

По словам правозащитников, случай Умерова является показательным примером тревожной тенденции – возрождения карательной психиатрии на постсоветском пространстве. Практика использования психиатрии в качестве инструмента преследования религиозных и политических диссидентов, в том числе многих известных писателей и художников, стала печально известной в советские времена. Предполагается, что этот метод придумал занимавший тогда пост председателя КГБ Юрий Андропов, считавший психиатрию инструментом системных политических репрессий: жертвы освобождались только после отречения от «неправильных идей», которые власти считали опасными для Кремля.

После распада СССР от карательной психиатрии на некоторое время отказались, но при президенте Владимире Путине в России произошло ее возрождение. Схожая тенденция наблюдается и в ряде других постсоветских государств.

За последние пять лет в странах бывшего Советского Союза было зарегистрировано более 30 случаев, когда активистов и журналистов незаконно помещали в психиатрические учреждения, иногда сроком на 10 лет, сообщает организация Federation Global Initiative on Psychiatry (FGIP), занимающаяся мониторингом соблюдения прав человека в этой сфере. По мнению экспертов, реальное число жертв может быть значительно выше.

Причем применяют подобные методы по отношению не только ко взрослым людям, но также к подросткам. В мае 2016 года 16-летний Глеб Астафьев был заключен в психиатрическое учреждение на 15 дней после организации им одиночного пикета в российском городе Курган. Он выступал в поддержку художника-диссидента Петра Павленского, который в прошлом году тоже провел месяц в психиатрической больнице.

Астафьев сообщил, что во время пребывания в лечебнице его пять дней держали в специальном отделении для страдающих особо серьезными формами психических заболеваний, некоторые из которых кричали и били кулаками по ночам. «Каждое утро нам давали таблетки, но мне удавалось выплюнуть их. Я не знаю, что это были за лекарства, но они превращали человека в овощ», – сказал он в интервью EurasiaNet.org.

Что примечательно, у людей часто появлялись психологические проблемы именно из-за условий содержания в психиатрических больницах и принудительного «лечения» препаратами, отмечает глава FGIP Роберт ван Ворен.

Одним из примеров является случай челябинского активиста Алексея Морошкина, содержащегося в психиатрической клинике в течение 18 месяцев и выпущенного на свободу только в июне этого года. Сообщалось, что он получал высокие дозы нейролептиков и у него развилась депрессия, которой он ранее никогда не страдал.

Морошкин был арестован в 2015 году за пропаганду сепаратизма в социальных сетях, где он говорил об уральском национализме и критиковал федеральный центр. Суд постановил, что его следует поместить в психиатрическое учреждение как представляющего «опасность для общества».

Эта фраза имеет особое значение в России и других постсоветских обществах, где люди, страдающие психическими недугами, по-прежнему стигматизируются. Сегодня, как и в советские времена, принудительное заключение активиста в психиатрическое учреждение преследует две цели: наказать активиста, а также подорвать его репутацию в глазах общественности, выставив его душевнобольным.

Использование психиатрии в качестве карательного инструмента возрождается и в Центральной Азии. Самым заметным примером является случай Джамшида Каримова, узбекского независимого журналиста, критиковавшего покойного президента Узбекистана Ислама Каримова, приходившегося ему дядей.

В 2006 году Джамшид Каримов исчез, а затем выяснилось, что его принудительно госпитализировали в Самарканде. Хотя первоначально суд приговорил его к 6 месяцам «лечения», Каримова держали в больнице до конца 2011 года. Затем ненадолго отпустили, и опять «закрыли» еще на пять лет.

Каримов приписывает свое освобождение в марте этого года смерти своего дяди. После смерти Каримова новое руководство Узбекистана, судя по всему, проводит политику осторожной оттепели.

«Меня так долго держали в больнице, потому что я был личным врагом, – сказал он в интервью EurasiaNet.org. – Меня держали в темной комнате с решетками на окнах и заставляли принимать психотропные препараты. Когда приходили родственники, за мной всегда наблюдал охранник».

Главврач якобы неоднократно призывал его отказаться от «от плохих, злых людей», добавил Джамшид Каримов. Он считает, что тот имел в виду Улугбека Хайдарова, другого журналиста, который был арестован и признан виновным в государственной измене в 2006 году.

Если постсоветские правительства считают карательную психиатрию средством политического «наставления на путь истинный», то это средство не назовешь особо эффективным. «Лечение» часто заставляет активистов и их сторонников бороться еще яростнее.

«Целью было показать, как российские власти реагируют на оппонентов, которые не боятся выразить свои взгляды. Тот факт, что я попал в психиатрическое учреждение, показал их непонимание и слепое осуждение людей, которые отличаются от других членов общества», – сказал через год после освобождения Глеб Астафьев.

Медлин Рош является независимым журналистом из Лондона. Она специализируется на теме прав человека в постсоветских странах, и недавно получила степень магистра по исследованиям России в Университетском колледже Лондона.